

М. В. Александрова, В. А. Антонец

Пространство «Обители» как основание бытия в романе З. Прилепина

(Выполнено по гранту Российского научного фонда № 14–18–01833)

Статья посвящена осмыслению и интерпретации образа монастыря в контексте романа Захара Прилепина «Обитель» (2014). Место действия романа (территория Соловецкого монастыря как лагерь особого назначения) рассматривается в статье как предлагаемый массовому сознанию палимпсест, появившийся в результате слияния сакрального и профанного пространств, апеллирующий к проблеме выбора и страдания. В статье обоснован тезис о том, что пространство «обители», выступая повседневным и экстремальным, становится фундаментом социального и духовно-нравственного бытия героев романа. Анализ экзистенциальной составляющей «Обители» определяет осмысление монастырского пространства в двух ипостасях: материальной и духовно-нравственной. Обращение к исторически сложившемуся в массовом сознании образу древнего русского монастыря и его сюжетно оправданной трансформации в романе З. Прилепина позволяет акцентировать проблемы изоляции, отчуждения, предельности бытия, нравственного и религиозного выбора.

Ключевые слова: Захар Прилепин, «Обитель», массовое сознание, образ монастыря, сакральное и профанное, экзистенциальность, повседневность, бытие.

M. V. Aleksandrova, V. A. Antonets

«The Abode» as the Basis of Being in Z. Prilepin's Novel

The article is devoted to the interpretation of the image of the monastery in the context of the novel «The Abode» written by Zakhar Prilepin (2014). The scene of the novel (the Solovetsky monastery as a Solovki prison camp) is considered in the article as a palimpsest, result of the merger of the sacred and profane spaces, appealing to the problem of selection and suffering. The monastery «abode» becomes everyday and extreme, determines the foundation of social and moral life of the heroes of the novel. The analysis of the existential component of «The Abode» determines understanding of the monastery space in two ways: physical and spiritual. The article appeals to the image of the ancient Russian monastery historically rooted in the mass consciousness, also as the transformation in the novel written by Z. Prilepin. This context allows us to emphasize the problem of isolation, alienation, the ultimate being, the moral choice.

Keywords: Zakhar Prilepin, «The Abode», mass consciousness, the image of the monastery, sacred and profane, existential, everyday life, being.

Пространство, предложенное вниманию читателя З. Прилепиным, необычно и представляет собой не «обычный» лагерь для заключенных (что встречалось в произведениях писателей прежних поколений – А. Солженицына, В. Шаламова, В. Гроссмана, Ю. Домбровского, Г. Владимова), но лагерь особый, организованный на территории древнего монастыря. В романе это обстоятельство приобретает экзистенциальный смысл и становится смыслообразующим фактором, влияющим на все события и персонажей.

Автор назвал роман «Обитель», это слово обладает несколькими значениями. В «Современном толковом словаре» Ефремовой термин означает, во-первых, «религиозную общину ... монахов с едиными правилами аскетической жизни, с особой церковно-хозяйственной организацией и единым уставом», а также «комплекс богослужebных, жилых и хозяйственных строений, тер-

ритория, принадлежащие этой общине» [3]. Религиозная коннотация, присутствующая в данном определении, имеет место и в романе: мы видим не просто стены монастыря, но живущих здесь священнослужителей, не отступивших от своих религиозных убеждений, читающих проповеди и отпускающих грехи всем раскаявшимся. Второе значение термина – «место пребывания, обитания кого-либо или чего-либо» [3]. Большинство героев произведения далеко не верующие, и в «нормальной» жизни данное пространство не могло быть характерно для них: «здесь домушники, взломщики, карманники, воры-отравители, железнодорожные воры и воры вокзальные, ... содержатели малин и притонов, скупщики краденого, фармазоны, которые ... липовые пачки денег используют для покупки, обманываемая крестьян...» [6, с. 138]. Тем не менее, пространство монастыря становится будничным

и повседневным для них. Многих оно заставляет если не раскаяться, то смириться.

Однако сакральность монастырской атмосферы автором скорее подразумевается, чем обозначается непосредственно. Теперь здесь не чувствуется присутствие Бога, наоборот, герои часто сравнивают монастырь с адом, называя последний «Соловками для всех нераскаившихся», и приходят к выводу, что «лучше раскаяться вовремя» [6, с. 72]. Будучи изначально сакральным, располагающим к смирению и очищению, после образования здесь лагеря с его ужасным бытом, маргинальным поведением сидельцев и собственной логикой организации, пространство монастыря наделяется также качеством профанности.

Предложенная писателем современному массовому читателю возможность рассмотрения пространства с точки зрения повседневности позволяет парадоксально отметить такое важное его качество, как экзистенциальность. Она определяется тем, что нынешнее функциональное назначение не соответствует сущностному содержанию феномена монастыря. Современный читатель, имеющий отрывочные и поверхностные представления и о монастырской жизни вообще, и о трагедии соловецкой обители в советское время, получает новое представление о «не-монастарской» жизни обители. Подчеркнем важную в историко-культурном смысле особенность романа.

Дихотомия сакрального и профанного, религиозного и мирского в романе Прилепина выстроена намеренно и акцентируется апелляцией к исторически сложившемуся образу монастырской жизни (как бытия и быта), в котором материальная сторона, имея огромное значение, фактически оставалась «за кадром». Сама идея «общежительного» монастыря, утвердившаяся на Руси с XIV в., подразумевала функционирование обители как сложного хозяйственного организма. Нередко северные монастыри играли значительную роль в колонизации неосвоенных районов, активно участвовали в торговле и развитии промыслов. Однако в ментальном образе русского монастыря доминирует представление об ином, сакральном, пространстве, отрешенном от всего мирского и обнажающем духовно-нравственные основы бытия человека. Агиографическая традиция, как и классическая литература, уделяет монастырской повседневности ничтожно малое внимание, подчеркивая лишь тяготы и лишения, сознательно избираемые подвижниками в каче-

стве обета. Подробности хозяйственной жизни монастырей, тщательно фиксируемые в келарских обиходниках и жалованных грамотах, фактически исключены из образа монастыря в массовом сознании. Авторы житий избегают бытовых описаний выживания братии в безлюдном месте, мук голода, болезней. В частности, житие соловецких чудотворцев ограничивается скупым описанием честного труда первых насельников обители: «Землю копали и деревья на постройки монастырские готовили, также множество дров рубили и воду из моря черпали, и соль варили, и продавали ее купцам... И в других работах трудились, и рыбную ловлю творили, и так от своих потов и трудов кормились» [5, с. 9].

В советской действительности акценты восприятия были роковым образом смещены, мрачный быт заслоняет или перечеркивает уникальность духовной атмосферы места, но труд в поте лица, бытие на краю света, на грани выживания интерпретируются современным писателем как точка соприкосновения двух ипостасей Соловецкой «Обители»: монастыря и лагеря.

Сакральное пространство в силу жестокой воли, проявленной извне, становится профанным и в то же время экстремальным, но живущие здесь заключенные, в большинстве своем, воспринимают его как повседневное. Однако сам замысел, реализованный Прилепиным, возник не впервые: советские писатели-диссиденты (В. Т. Шаламов, А. И. Солженицын) и классики европейского экзистенциализма (Ж.-П. Сартр, А. Камю) также помещали героя в экстремальное пространство, становящееся для персонажей будничным.

Особенность романа З. Прилепина состоит в рассмотрении данной ситуации в контексте, как было сказано выше, не «обычного» лагерного, но особого – монастырского, религиозного пространства, традиционно наполненного особой семантикой, апеллирующего к уникальному «образу места» во всем богатстве и уникальности его локальных смыслов и взаимосвязей между ними. Важно то, что отношение заключенных к лагерю (страх, ненависть, чувство ничтожности) экстраполируется на образ монастыря в целом. В массовом религиозном сознании монастырь выступал прообразом «Небесного Иерусалима», в который, согласно «Откровению Иоанна Богослова», «не войдет ничто нечистое и никто, преданный мерзости и лжи». Теперь территория монастыря становится пространством не просто не специфическим, но враждебным для героев: «Артем не любил смотреть на монастырь: хоте-

лось скорее пройти ворота – оказаться внутри» [6, с. 6]. Следует подчеркнуть, что речь здесь идет не о достаточной эфемерной среде/атмосфере, формируемой индивидом, а о материально зафиксированном и осязаемом пространстве/месте. Таким образом, в данной статье мы рассматриваем отношение героя не к лагерю как месту заключения граждан, лишенных прав, а к монастырю (памяти о монастыре) как месту сохранения святости, превращенному в иное, профанное пространство лагеря.

Анализируя экзистенциальную составляющую «Обители», нужно отметить, что пространство здесь проявляет себя в двух ипостасях: материальной и духовно-нравственной. Материальный аспект выражается в первую очередь в том, что монастырь расположен на острове – изолирован от материка.

Изолированность монастырской жизни – как развитие монашеских традиций Варлаама Хутынского и Сергия Радонежского – предполагает отчужденность от мира. Изобилие монастырей в малолюдных и труднодоступных областях Русского Севера подчеркивает сознательное стремление их обитателей к уединению, проверке духовных сил наедине с природой. Так, согласно житию, основание иноками Савватием и Германом обители на безлюдном Соловецком острове было продиктовано желанием покоя и ухода от «людской славы» [5, с. 5]. Согласно восточно-византийской традиции, монастырское единство поддерживалось благодаря принципу замкнутости: монастырь отделял себя от внешнего мира, возбраняя посторонним доступ внутрь монастырских стен, и, в свою очередь, ограничивал выход монахов вовне [4, с. 56]. Этот идеал (не всегда достижимый в реальности) воплощался не только в монастырском уставе, трактовавшем отречение от мира как «начало уподобления Христу» [1, с. 103], но и на пространственном уровне – в выборе места обители, обязательном наличии ограды (символической защите от грехов и соблазнов), организации внутренней территории [2, с. 15]. Уход в монастырь воспринимался как переход в иной мир, сопровождаемый принятием нового имени. Старцы Кирилло-Белозерского монастыря наставляли принимающих монашеский постриг: «Не старайся уже ни спрашивать о своем роде и о племени, ни о друзьях, ни знаться с ними, ни говорить, заботься только о своей душе» [7, с. 287].

В романе Прилепина изоляция «Обители» приобретает двоякий смысл: отчуждение не

только обители от мира, но и мира от обители. Люди, находящиеся здесь, не чувствуют собственной причастности к тому миру, из которого были выдернуты и помещены сюда. Монастырская стена, окружившая лагерь, удваивает ощущение изоляции, оторванности и отрешенности, создает впечатление чего-то непознаваемого, огромного, того, что нельзя победить: «В октябре под сизым, дымным небом он стал похож на чадающую кухонную плиту, заставленную грязной и черной посудой, – что там варится внутри, кто знает. Может, человечина» [6, с. 292]. Крепкие стены, построенные из валунов, некогда бывавшие защитой монахов от захватчиков, превратились в заградительное сооружение против своих же соотечественников. Герои даже не верят в возможность покинуть это место: «Никто отсюда не улетит» [6, с. 244]. Следует отметить, что, в отличие от водной преграды, монастырская стена создана человеком и от человека, становясь, таким образом, более суровым препятствием при рассмотрении с философско-экзистенциальной позиции. Эта *эскалация* подчеркивает, как пространство давит на любого, в нем оказавшегося, растворяет его в себе.

В репликах персонажей читатель видит различное отношение к монастырю-лагерю: одни рассматривают его как возможность раскаяния, другие, наоборот. Например, Василий Петрович – бывший белогвардеец, говорит, что «здесь отличное место, чтобы смириться» [6, с. 19], владыка Иоанн «воспринял Соловки как суровую школу добродетелей – терпения, трудолюбия, воздержания. Благодарил Бога, что попал сюда – здесь могилы праведников, на эти иконы крестились угодники и подвижники, – а он молится пред ними» [6, с. 264]. Другие считают, что и в прежние времена жестокость и смерть были неотъемлемыми атрибутами монастыря: начальник лагеря Федор Эйхманис вспоминает о земляных тюрьмах, говорит, что монастырь – это «неприступная крепость, которую англичане взять не смогли ... И она полна оружием, как пиратский фрегат. Монахи здесь ... издавна были спецы не только по молитвам, но и по стрельбе» [6, с. 140]. Контекст романа вскрывает и другой общеизвестный «слой» в многогранном образе Соловецкой обители: со времен Ивана Грозного (вспомним страстную дискуссию о «грозном» царе в «Одном дне Ивана Денисовича», где А. Солженицын вводил историческую память в актуальные политические смыслы) этот монастырь служил местом ссылки политзаключенных и

опальных служителей церкви. Так или иначе, нетривиальное пространство-палимпсест наделяется теми качествами, которыми обладает размышляющий о нем человек: военный Эйхманис видит в нем склад боеприпасов, владычка – святое место, Василий Петрович – место для смирения. Каждый персонаж растворяется в характерном (но непривычном) пространстве, подчиняется его законам. Кроме того, мы считаем, что пространство, априори чуждое каждому персонажу, становится повседневным для них: так, для Василия Петровича и Эйхманиса чуждым является пространство монастыря, а для владычки Иоанна – лагеря. Таким образом, в романе З. Прилепина «Обитель», разворачивающемся в пространстве-палимпсесте, герой, попадая в чуждое ему пространство и растворяясь в нем, наделяет его собственными характеристиками. А мы говорим о том, что в контексте «Обители» материальные границы не просто формируют внешнюю изоляцию, но провоцируют образование внутренней границы личности, выражаясь в духовно-нравственном аспекте бытия человека, погруженного в данное пространство.

Пограничное, физически отделенное пространство формирует ощущение и специфику предельности личности внутри себя. Иными словами, находясь в изначально пограничной ситуации, герои вынуждены балансировать на грани собственного бытия. Здесь мы говорим не только о физической перспективе данного феномена, но и о его нравственном и даже религиозном аспектах. Безусловно, они переплетаются и зачастую сливаются в единой форме. Тем не менее, стараемся разграничить данные подходы.

Внешние по отношению к личности факторы, влияющие на человека, формируют предельность, способную быть выраженной в физическом плане. Не секрет, что в условиях тюремного заключения человек постоянно находится под угрозой уничтожения. В романе перед читателем предстают ужасные картины издевательств, мучений, убийств. Заключение необходимо постоянно помнить о перспективе быть уничтоженным. Отношение к смерти здесь нельзя назвать повседневным, в том плане, что она становится не чем-то трансцендентным и загадочным, но, напротив, будничным, часто не пугающим, но неизменно вызывающим чувство отвращения. З. Прилепин описывает труп мальчика-беспризорника, который некоторое время жил под нарами Василия Петровича, но однажды был задушен: «Если б Артем задумался об этом, он

решил бы так: это же не человек лежит; потому что человек – это вот он, идущий по земле, видящий, слышащий и разговаривающий, – а лежит нечто другое, к чему никакого сочувствия и быть не может» [6, с. 46].

Смерть не вызывает чувства ужаса в связи с тем, что людей, в большинстве случаев, не волнуют окружающие. Во время расстрела Бурцева читатель видит, как солдаты не сожалеют о его приговоре, а наоборот испытывают нетерпение: «Каждому хотелось это сделать первым и как можно больнее» [6, с. 240]. Но, если чья-то смерть становится личной трагедией, она начинает осознаваться как нечто важное. Так Артем не испытывал никаких эмоций к мальчишке-беспризорнику, ко многим убитым, замученным и заколотым, к сидевшим вместе с ним в карцере и пр. – так как он ничего не знал об этих людях, не жил вместе с ними. Но когда погибают его знакомые и друзья: Мезерницкий, «владычка» Иоанн, Василий Петрович, – героя нельзя обвинить в бесчувственности, он зол на них, презирает, становится бессердечен, но не безразличен. Безусловно, самое большое влияние на личность Артема оказал расстрел Афанасьева. Именно после этого эпизода он становится холоден, груб, безжалостен к окружающим. Артем стал презирать всех, потерял интерес к происходящему, смеялся над священниками, читавшими проповедь, всеми, кто их слушал и пр.

Физическая «предельность» экзистенции (обычного человека) выражается в осознании конечности собственного бытия, в условиях, когда смерть становится повседневной реальностью. И результатом этого осознания, как правило, выступает еще один аспект предельности: духовно-нравственный. Он проявляется через готовность и возможность человека поступиться многими из своих моральных принципов ради сохранения жизни или улучшения внешних условий. Данный феномен выражается в способности героев выбирать между тем, что правильно с социально-нравственной точки зрения, и тем, что может причинить им вред: страх быть избитым, страх карцера, страх продления срока, расстрела и пр. Афанасьев, например, готов подкинуть другу карты во время досмотра личных вещей лишь для того, чтобы надзиратели не наказали его. Из-за этого поступка Артем был побит, попал в лазарет, где нашел врага в лице блатного заключенного Ксивы. Афанасьев принял решение и жил с последствиями этого поступка, постоянно ощущая себя виноватым перед Артемом. Последние

его слова перед расстрелом были: «Святцы я тебе подкинул, Темка, прости» [6, с. 272]. Таким образом, автор подчеркивает душевные мучения героя, ведь перед смертью, как правило, люди говорят о самом важном. Афанасьев не религиозен, и прощение от близких ему людей выступает в роли покаяния.

Другой герой – Мезерницкий, бывший белогвардеец, работает в лагерном оркестре, развлекает большевиков, переступая через собственное презрение и ненависть к ним. Позже он делает моральный выбор и совершает покушение на Ф. Эйхманиса. Этот поступок обречен на провал, но герой решается, и сам факт выбора между личными ценностями, принципами, с одной стороны, и перспективой ужасной смерти – с другой, выражается в одной из наиболее характерных для него реплик: «В тюрьме нельзя победить» [6, с. 75]. И дело не в превосходящих силах противника, не в его власти, а в том, что для защиты *собственной морали* тебе нужно уподобиться врагу: быть способным на зверства и убийства, тем самым отринув ту самую мораль.

Главный герой романа чаще остальных погружается в характерную для экзистенциальной системы испытания ситуацию выбора, но особенности его романного бытия заставляют усомниться в способности его принять какое-либо решение. Артем не раз слышал о своем таланте жить, не задумываясь, он даже говорит себе: «Привычка ни о чем не думать и жить по течению убьет тебя!» [6, с. 231]. В одном из эпизодов, после того как Галина предложила ему выдать всех заключенных, имеющих антисоветские мысли, он говорит себе: «Бесчестье хуже смерти» [6, с. 107]. Тем не менее, он не отказывается быть доносчиком, хотя и не становится им. Подобным образом он ведет себя во время ужина с Эйхманисом. Когда начальник СЛОНа рассказывает о «прелестях» лагеря, Артем не соглашается с ним, не спорит, а просто слушает. Читатель так и не узнает о его отношении к СЛОНу. Единственный эпизод, в котором герой совершает выбор между смертью и тем, как было бы правильно поступить, – последний изображенный в романе расстрел. Когда Галина в числе тех, кого должны расстрелять, выходит из строя, Артем меняется местом с другим заключенным, тем самым соглашаясь разделить с ней эту участь. Такое решение особенно важно в контексте финальной части романа: перед расстрелом мы видим детальное описание персонажа, то, каким он стал: безликий, молчаливый, не осуждающий,

незаметный, «его жизнь разрублена лопатой, как червь: оставшееся позади живет само по себе» [6, с. 350]. По сути, Артем давно перестал делать выбор и живет, сохраняя лишь животные инстинкты. Но то, что он добровольно вышел из строя, характеризует его как героя, все-таки не отказавшегося от человечности.

Другим выражением духовно-нравственного аспекта экзистенциальной пограничности пространства – общего и личного – является проблема религиозного выбора. Наиболее ярко она выражена в эпизоде, где заключенные, попавшие на Секирку, готовы раскаяться в грехах и как на исповеди каются владычке Иоанну и отцу Зиновию. Примечательно, что в момент, когда ранее не верящие приходят к Богу, Артем, напротив, начинает над этим смеяться. До смерти Афанасьева герой любил разговаривать с владычкой, чувствовал очищение на грани страха перед собственной греховностью: «Артем слушал владычку, и ему казалось, что голова его очищается, как луковица – слой за слоем... и сначала было легко, все легче и легче, ... но одновременно нарастала тревога: что там, внутри у него, в самой сердцевине – что? ... а вдруг сейчас последний лепесток отделят – а там извивается червь?» [6, с. 161]. Теперь, когда священники по очереди перечисляют грехи, а заключенные кричат о покаянии, Артем «отзывался на всякий грех, не ведая и не желая раскаяния в них» [6, с. 285]. Но о Боге, вере и раскаянии заключенные вспоминают лишь в качестве поддержки, большинство из них не нуждаются в этом до тех пор, пока им не угрожает смертельная опасность. Также примечательной является сцена, в которой они вырывают из земли могильные кресты. Персонажи лишь поначалу раскаивались, позже это становится простой работой: «всех мертвых победили на раз» [6, с. 15].

Подводя итог сказанному, мы утверждаем, что Обитель – как пространство, а не название романа (в силу чего слово написано без кавычек), являющаяся образом, формирующим априори не только физическое и религиозное пространство, – становится также фундаментом для образования социального и духовно-нравственного бытия героев романа. Массовому сознанию предложен вполне внятный, но вовсе не простой, индивидуально детерминированный образ выбора и страдания, выходящий за пределы прежних пространств, представленных в других произведениях З. Прилепина. Палимпсест, появившийся в результате слияния сакрального и профанного пространств, заставляет персонажей подчиниться

его собственным правилам, раствориться в нем, погружая героев в ситуацию выбора.

Библиографический список

1. Бридня, Н. В. Геокультурный ландшафт православных монастырей Вологодской епархии во второй половине XIX – первой трети XX века [Текст] / Н. В. Бридня // Русская культура нового столетия проблемы изучения, сохранения и использования историко-культурного наследия. – Вологда : Книжное наследие, 2007. – С. 212–220.
2. Василий Великий. Подвижнические уставы подвижающимся в общежитии и в отшельничестве [Текст] // Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, Архиепископа Кесарии Каппадокийская: в 5 ч. – М. : Паломник, 1993. – Т. V. – С. 74–146.
3. Ефремова, Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / Т. Ф. Ефремова. – Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova>
4. Каждан, А. П. Византийский монастырь XI–XII вв. как социальная группа [Текст] / А. П. Каждан // Византийский временник. – Т. 31 (56). – 1971. – С. 48–71.
5. Ключевский, В. О. Хозяйственная деятельность Соловецкого монастыря в Беломорском крае [Текст] / В. О. Ключевский // Ключевский В. О. Сочинения : в 8 т. – Т. VII. – М. : Соцэкгиз, 1959. – С. 5–32.
6. Прилепин, З. Обитель [Текст] / Захар Прилепин. – М. : АСТ, Редакция Елены Шубиной, 2014. – 752 с.

7. Романенко, Е. В. Повседневная жизнь русского средневекового монастыря [Текст] / Е. В. Романенко. – М. : Молодая гвардия, 2002. – 329 с.

Bibliograficheskiy spisok

1. Bridnja, N. V. Geokul'turnyj landshaft pravoslavnyh monastyrej Vologodskoj eparhii vo vtoroj polovine XIX – pervoj treti XX veka [Tekst] / N. V. Bridnja // Russkaja kul'tura novogo stoletija problemy izuchenija, sohraneniya i ispol'zovanija istoriko-kul'turnogo nasledija. – Vologda : Knizhnoe nasledie, 2007. – S. 212–220.
2. Vasilij Velikij. Podvizhniicheskie ustavy podvizajushhimsja v obshhezhitii i v otshel'nichestve [Tekst] // Tvorenija izhe vo svjatyh otca nashego Vasilija Velikogo, Arhiepiskopa Kesarii Kappadokijskija: v 5 ch. – M. : Palomnik, 1993. – T. V. – S. 74–146.
3. Efremova, T. F. Sovremennyj tolkovyj slovar' russkogo jazyka [Jelektronnyj resurs] / T. F. Efremova. – Rezhim dostupa: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova>
4. Kazhdan, A. P. Vizantijskij monastyr' XI–XII vv. kak social'naja gruppa [Tekst] / A. P. Kazhdan // Vizantijskij vremennik. – T. 31 (56). – 1971. – S. 48–71.
5. Kljuhevskij, V. O. Hozjajstvennaja dejatel'nost' Soloveckogo monastyrja v Belomorskom krae [Tekst] / V. O. Kljuhevskij // Kljuhevskij V. O. Sochinenija : v 8 t. – T. VII. – M. : Socjkgiz, 1959. – S. 5–32.
6. Prilepin, Z. Obitel' [Tekst] / Zahar Prilepin. – M. : AST, Redakcija Eleny Shubinoj, 2014. – 752 s.
7. Romanenko, E. V. Povsednevnaia zhizn' russkogo srednevekovogo monastyrja [Tekst] / E. V. Romanenko. – M. : Molodaja gvardija, 2002. – 329 s.